

Сцену с поцелуем в тёмном переулке сняли с первого же дубля. Операторы подали знак, что можно возвращаться, однако Се Синьцзянь и Ли Вэньсю не двинулись с места. Укрывшись в тени, они ещё долго приходили в себя и лишь потом вышли на свет.

Ему уже приходилось целоваться в кадре, и не раз, но Синьцзянь никак не ожидал, чем всё обернётся. Ли Вэньсю с лёгкостью, почти шутя, подчинил себе все его чувства и реакции.

Едва сумев взять себя в руки, Синьцзянь поспешил прочь — так, словно за спиной таилась смертельная угроза.

Хотя, казалось бы, это всего лишь поцелуй...

Он зажмурился. От мысли о следующих совместных сценах становилось невмоготу страшно.

После этого оба молча разошлись по своим микроавтобусам. В отель вернулись уже к десяти вечера. Порывистый ветер раскачивал нежно-жёлтые соцветия плюмерии.

Се Синьцзяню не повезло: едва ступив на дорожку, он поймал глазом песчинку. Попытался протереть — стало только хуже, так что дальше пришлось идти едва ли не вслепую, сощурившись.

— Осторожно, — предупредил Ли Вэньсю, заметив перед ним ступени, и аккуратно подхватил за локоть.

От этого простого касания Синьцзянь вздрогнул, будто от удара током, и с дурным рвением оттолкнул его руку. Часы Ли Вэньсю с сочным хрустом звякнули о каменную колонну.

Только услышав этот звук, Синьцзянь опомнился и осознал, насколько глупо и резко себя повёл.

— Прости, — пробормотал он, уткнувшись взглядом в землю и напустив на себя холодный вид.
— Я возмещу стоимость часов.

Взгляд Ли Вэньсю потемнел. Помолчав несколько секунд, он ровно ответил:

— Не стоит. Они целы.

— Но... — Синьцзянь замялся. В такой момент меньше всего хотелось оставаться перед ним в долгу.

— Не нужно, — повторил Ли Вэньсю и, развернувшись, пошёл к входу.

Синьцзянь посмотрел ему вслед уцелевшим глазом, успев перехватить лишь сухой, окаменевший профиль.

Спустя пару минут он и сам поднялся к себе в номер.

Он долго провозился в ванной, а когда вышел, столкнулся с ошарашенным взглядом Чжоу Мина.

— Что у тебя с глазом? Красный какой!

— Соринка попала, — сухо отозвался Синьцзянь. — Сходи по-быстрому в соседний номер. Узнай у учителя Ли марку и модель его часов: хочет он отдать их в ремонт или чтобы я купил такие же новые.

Чжоу Мин кивнул и споро испарился за дверью, но уже очень скоро вернулся с видом глубоко несчастным.

Синьцзянь, лежавший на диване, приоткрыл глаза:

— Он тебя обидел?

— Да нет, учитель Ли был предельно вежлив. Просто... — Чжоу Мин замялся в дверях.

— Что «просто»?

— Просто он пришёл сам.

Ассистент переступил порог, и за его спиной выросла высокая фигура Ли Вэньсю.

Синьцзянь дар речи потерял.

— Учитель Ли сказал, что хочет лично обсудить вопросы возмещения, — тихо пояснил Чжоу Мин.

Отдаться за всё бедному помощнику явно не следовало. Синьцзянь вздохнул и махнул рукой:

— Ладно, иди к себе.

Дверь закрылась, и в комнате воцарилась звенящая тишина, нарушаемая лишь гулом ветра за окном.

Ли Вэньсю медленно зашагал к нему со стороны прихожей.

Синьцзянь, до этого поджавший ноги, мгновенно спустил стопы на пол и выпрямился, приняв подчёркнуто строгий вид. Желая сбить неловкость, он решил перехватить инициативу:

— Какая у тебя модель часов? Я готов полностью всё возместить, отдать в ремонт или купить точно такие же.

Ли Вэньсю присел на соседний диван и ровно спросил:

— Готов всё возместить?

— Возместить, — с самым серьёзным видом подтвердил Синьцзянь.

— Составить компанию? — переспросил Ли Вэньсю, смакуя слова, и вдруг негромко усмехнулся. — Коли так, зачем отсел на другой край?

— ...Мы явно говорим о разных вещах, — удручённо выдохнул Синьцзянь.

— Шучу, — Ли Вэньсю сбросил игривый тон и заговорил привычно спокойно. — Не нужно ничего возмещать. Часы недорогие, я ношу их без особой бережливости, на каждый день.

Синьцзянь выразил явное недоверие. Тогда Ли Вэньсю просто расстегнул ремешок и протянул их ему:

— Не веришь — проверь сам.

В отличие от замысловатых механических хронографов, это были обычные кварцевые часы: чистый белый циферблат, ремешок из тёмно-коричневой телячьей кожи — ничего лишнего. Этим летом Ли Вэньсю появлялся в них постоянно, сочетая с льняными рубашками и брюками цвета хаки: лёгкий винтажный шик и никакой помпезности.

Сейчас поверх стекла змеилась тонкая трещина. Синьцзянь провёл по ней подушечкой пальца, а затем перевернул корпус, разглядывая гравировку на крышке.

Марка оказалась редкой, швейцарской, и цена действительно не кусалась — не тянула даже на шестизначную сумму. Для человека уровня Ли Вэньсю — считай, сущие копейки.

Разглядев детали, Синьцзянь вернул часы владельцу:

— Может, всё-таки купишь новые за мой счёт?

— Не стоит, — Ли Вэньсю забрал их и небрежно отложил на столик. — У меня есть замена.

Настаивать дальше Синьцзянь не стал. Ни один из них не бедствовал, а излишняя настойчивость выглядела бы мелочно. Поразмыслив и вспомнив, что у Ли Вэньсю скоро день рождения, он решил отблагодарить его за убытки при другом удобном случае.

На следующий день на съёмках на запыстье Ли Вэньсю красовался изысканный механический хронометр. Синьцзянь скользнул по нему взглядом, отмечая про себя: вчера тот не соврал.

Едва Синьцзянь отвернулся, Ли Вэньсю опустил глаза к своему запястью и о чём-то задумался.

Сегодня снимали эпизод, где Тан Фэн писал портрет Бай Цзинняня.

Художники питают слабость к обнажённой натуре, так что теперь Синьцзянь возлежал на бескаркасном диванном пуфе абсолютно обнажённым, прикрывшись лишь белоснежной простынёй в самых пикантных местах.

Напротив, за мольбертом, расположился Ли Вэньсю. В простой белой футболке, с убранный за ухо удлинённой чёлкой, он набрасывал угольным карандашом пропорции на холсте.

Дублёра-живописца на площадке не было.

Вскоре после прибытия на остров Синьцзянь заметил, что съёмочная группа не нанимала профессионального художника. Тогда он решил, что специалист приедет позже, и никак не ожидал, что Ли Вэньсю станет писать всё сам.

У Ли Вэньсю имелся за плечами солидный художественный опыт, и все картины, которые должны были появиться в фильме «Долгое лето», выходили из-под его кисти. Прежде он изображал лишь пейзажи и натюрморты, но теперь, когда его герой влюбился, в центре этих пейзажей наконец появился человек.

Исполняя роль натурщика, Синьцзянь полулежал на пуфе и то и дело поправлял сползающую простыню, чувствуя себя крайне неловко. Под тканью на нём не оставалось ни нитки, а у пуфа отсутствовала спинка — одно неосторожное движение, и простыня свалится на пол.

Режиссёр Ло в большинстве случаев проявлял сговорчивость, но уж если вбивал себе что в голову — упереться мог насмерть. Кадр всё равно кадрилировали так, чтобы скрыть лишнее, и Синьцзянь вполне мог остаться в белье, но Ло Юаньцзе категорически потребовал полностью раздеться.

И вот теперь Синьцзянь лежал на пуфе, подложив под голову две подушки, и нервно сжимал в кулаке край простыни.

— Нервничаешь? — спросил Ли Вэньсю.

Помолчав секунду, Синьцянь честно признался:

— Есть немного.

Ли Вэньсю понаблюдав за ним некоторое время, а затем повернулся к режиссёру:

— Может, сменим позу?

— Предлагай, — отозвался Ло Юаньцзе.

Ли Вэньсю изложил свою задумку: убрать пуф и усадить Синьцяня прямо на ковёр у окна. Так сцена приобрела бы естественность, лёгкий непринуждённый флёр повседневности. Затем он попросил распахнуть все окна настежь, чтобы сквозняк погнал морской бриз сквозь комнату к лесу, наполняя дом знойным дыханием лета.

Оценив композицию, режиссёр Ло согласился.

Синьцянь перебрался к окну, где наконец сумел расслабиться — угроза остаться без простыни миновала.

Уладив организационные мелочи, Ли Вэньсю вернулся за мольберт, набрасывая контуры, но всё равно ощущал некую незавершённость. Поразмыслив, он попросил принести миску вымытого винограда.

Реквизиторы смутились:

— У нас нет винограда. Нам сбегать купить?

— Не нужно, у меня в автохолодильнике есть, — ответил Ли Вэньсю и велел ассистенту сходить в машину.

Вскоре перед Синьцянем оказалась глубокая стеклянная ваза, наполненная сочными, прозрачно-зелёными ягодами, с которых ещё стекали капли воды.

— Держи в руках или поставь рядом, как удобнее, — произнёс Ли Вэньсю.

У окна припекало, поэтому Синьцянь прижал прохладную вазу с виноградом к груди. Ли Вэньсю замер за мольбертом — под его кистью постепенно проступали силуэты юноши.

Сколько прошло времени, Синьцзянь не знал, но в какой-то момент Ли Вэньсю отложил уголь и подошёл ближе.

Синьцзянь обернулся:

— Закончил?

— Угу.

Синьцзянь захотел взглянуть на рисунок, и Ли Вэньсю предложил ему подняться.

Однако юношу одолела лень:

— Не хочу вставать. Разверни холст ко мне.

— Какое совпадение, я тоже не хочу двигаться, — сказал Ли Вэньсю и беспечно опустился на ковёр рядом с ним, отправив в рот виноградину.

Любопытство разгоралось, но подниматься в таком виде было неразумно и чревато конфузом. Видя, что Ли Вэньсю спокойно лакомится ягодами, Синьцзянь опять откинулся назад.

Он думал, тот съест пару штук и успокоится, однако Ли Вэньсю уплетал виноград за обе щёки, и вскоре от пышной кисти осталась лишь голая веточка.

Синьцзянь опомнился и перехватил его руку:

— Хватит уплетать!

Воспользовавшись моментом, Ли Вэньсю сжал его запястье и потянул на себя. Потеряв равновесие, Синьцзянь тут же свалился прямо к нему в объятия.

В следующее мгновение тёплые, мягкие губы Ли Вэньсю прикоснулись к нежной коже на внутренней стороне его запястья.

Синьцзянь никак не ожидал от него подобной импровизации: мочки ушей вспыхнули пунцовым, в глазах заплескалось смятение. Но Ли Вэньсю уже сжал его плечи и накрыл своим телом...

Макушка лета, июль. Сквозняк раздувал белоснежные тюлевые занавески. За окном буйствовала сочная зелень, среди которой ярким сполохом алела цветущая бугенвиллея. Вдали трепетала лазурная гладь моря, с рокотом разбиваясь о прибрежные скалы и рассыпаясь белопенными брызгами, а в небе время от времени пролетала стая чаек.

Затем объектив камеры плавно сместился на стоящий позади холст.

Знойный июльский полдень. Юноша сидит у окна и лакомится виноградом, пока ленивые солнечные лучи ласкают его тело, очерчивая плавный, изящный силуэт. Он обращён к зрителю вполоборота, но голова повернута к морю, открывая взору лишь миниатюрную коричневую родинку возле уха.

Солнечный свет пронизывает стекло, затапливая пол и выхватывая контрастную светотень, где белое становится ослепительно белым, зелёное — густо-зелёным, а алое — пылающе-красным...

<http://bllate.org/book/19727/1985760>